

«Я всегда ненавидел цирк, как школу притворной радости»

Знаменитый цирковой режиссер предпочитает, чтобы на уши становились другие

В телефонной трубке раздался бодрый голос: «Можете поздравить — меня назначили главным режиссером цирка ЕС!» О том, что у стран Европейского союза есть общий рынок, знают все, но о том, что может быть общий цирк, многие не подозревают. Тем временем из Висбадена пришел факс в московский цирк на Цветном бульваре с просьбой Валентину Гнеушеву поставить по итогам конкурса гала-шоу «Европейский цирк молодых 1998» и показать его в ноябре этого года в ряде стран. Мол, в Европе талантливо это никто больше не сделает.

Жаль, что наши артисты не смогут принять участие — Россия не член ЕС. Но успокаивает то, что чужой праздник жизни ставит наш человек. Быть может, самый нестандартный в нынешней артистической Москве. Выпускник двух училищ — кулинарного и циркового, пажон с вечной сигарой и с немислимым количеством проектов в голове, обладатель титула «Лучший режиссер мирового цирка» 1993 года.

В цирк на Цветном бульваре Гнеушева пригласил Никулин. Более того, в 1996 году предложил ему должность главного режиссера самого знаменитого в России цирка.

В октябре цирк Никулина на Цветном бульваре представит новую программу, в которой элитарные номера в постановке Гнеушева талантливо соседствуют с прославленными традиционными аттракционами российского цирка.

— Вы начинаете второй сезон без Юрия Владимировича...

— После ухода Юрия Владимировича акционеры избрали директором его сына Максима. Татьяна Николаевна Никулина остается нашим консультантом. Цирк Никулина не просто дом. Это — стиль, густо замешанный на любви к артисту и зрителю. Иногда ловлю себя на мысли, что подсознательно копирую его жесты, когда снимаю очки или подтираю подбородок.

— Говорят, человек как минимум трижды в жизни бывает в цирке. Первый раз его ведут ребенком, второй раз он идет туда со своими детьми, третий — с внуками.

— Это правда, как и то, что иностранные туристы и простые российские командировочные после Большого театра чаще всего ходят в цирк. В последние годы замечательно поменялась взрослая публика в зале — любого можно пригласить на ковер и он легко подыграет. Люди раскрепостились. А раньше без подсадного зрителя невозможно было сделать представление.

— Вы однажды заметили, что цирк для вас — всегда трагедия.

— Помню, мама одной моей хорошей знакомой все время говорила мне: «Валентин, что вы делаете в цирке среди этих усталых, напомаженных женщин, которые носят флаги республик?» Я всегда ненавидел цирк, как школу притворной радости. Я хотел постичь его философию, когда приезд одного шапито заменяет городу приезд целого обоза с лекарствами. Цирк — труднейшее из искусств. Часто с ежедневным риском для жизни. Цирк — это картины Пикассо: поломанные, деформированные люди. Закулисье — тоже драма: наше искусство требует от артиста кочевого образа жизни и вечно вынужденного общения. Цирк держится на семьях и династиях.

— Но вы явно не были рождены на опилках в цирке.

— Я был рожден в Нижнем Тагиле в 1951 году. Мама учила солдат в стройбате, как штукатурить стены. Отчим выпивал. У нас в доме было всего четыре книги. Две из них хорошо помню до сих пор: «Мифы Древней Греции» Куна и «Глазами клоуна» Белля. Мой путь в кулинарное училище был прямым, как рельс. Я ведь и Москву приехал покорять в 1971 году как повар. Работал в ресторане «Памир», на фабрике-кухне номер шестьдесят пять. Почти слу-

чайню зашел в студию пластической драмы Мацквичуса...

— И повар стал клоуном?

— Большой клоун из меня не получился. Я поступил в цирковое училище, где у меня был прекрасный педагог Сергей Андреевич Каштелян. Он мне дал право на профессию. Обязанность дал Никулин. Был еще ГИТИС, факультет режиссуры и цирка. Много чего было. Даже шоу «Цирк Валентин», которое шло не только на Бродвее в Нью-Йорке, но и время от времени на сцене ЦТСа в Москве. Режиссеров цирка в мире считанные единицы.

Тут нашу беседу прервал очередной звонок, и в трубку прозвучал весьма характерный текст Гнеушева: «Висбаден знаешь? Где Достоевский проигрался и где у него были припадки эпилепсии? Я туда в воскресенье улетаю... Ты такой образованный человек, а звонишь мне с таким неприличным предложением — выступить в ночном клубе. Сформулируй своим хозяевам так, чтобы они не обиделись, мол, Гнеушева в ЕС надолго вызывают... А для тебя, как для особо одаренного, скажу: в общепите я могу присутствовать как повар или официант, но как персону — никогда».

— Вы человек играющий?

— Не-е, я человек прыгающий. С парашютом. У меня есть знакомые десантники. Кстати, я прыгал во французской и американской армии.

— Вы человек рискованный?

— Всегда. Но желательнее в присутствии адвоката. Если я вбиваю гвоздь, то всегда знаю, что на нем будет висеть. Я много работал с японцами, которые во время переговоров любят любую проблему подвесить, чтобы завтра было на что сесть. Если ты с ними заложил фундамент без ошибок, то можно хоть шестьсот этажей строить. Если ошибешься — то и одного не построишь.

— Ваши самые сильные впечатления от работы за рубежом?

— Гонорары. Один старый режиссер мне однажды сказал: «Ва-

лентин, никогда не говори, что ты бедный». «Почему?» «Потому что бедных никто не слушает».

— Вы сильно пострадали от послеледнего кризиса?

— Я не потерял ничего, кроме семьи. У меня жена француженка, с которой я познакомился в Москве, когда она проходила стажировку по советскому уголовному праву... Теперь она боится с двумя маленькими сыновьями возвращаться в непредсказуемую Россию. Я только что летал к ним со справкой, которую выдал для жены один значительный человек — заверил, что в нашей стране будет все стабильно.

— Вашим близким с вами явно скучно не бывает.

— Конечно, я же из цирка, где смех и страх живут как сиамские близнецы.

— А чего вы больше всего боитесь?

— Теперь — не знаю, а раньше знал. Боялся, чтобы мой первый ребенок не был от глупой женщины.

— Один ваш оппонент мне как-то раздраженно сказал: у Гнеушева маленький талант на маленькие номера.

— Спасибо ему большое. Такой маленький-маленький номер стоит тысячи долларов в гала-концерте. Воспитанники студии при нашем цирке востребованы всем миром, я сам их порой не могу заполучить в программу. А выпускники циркового училища мало кому нужны. Разве что гуттаперчевую девочку в люрексовых колготках возьмут в третьеразрядное турецкое кабаре. Это драма российского цирка, который находится в беспробудном кризисе. Но из Москвы осуществляется настоящее руководство всеми сорока цирками России. Слава Богу, Юрию Владимировичу Никулину в свое время удалось уйти в свободное плавание со старым цирком на Цветном бульваре.

— В прошлом году вы поставили в Японии успешное шоу «Ангелы снов» из русских цирковых номеров. Сейчас вас от России пригласили в жюри фестиваля в Монако. Цирки Канады и Америки наполовину состоят из русских артистов... Так почему наш цирк в кризисе?

— Потому что я думаю не об экспорте, часто не всамделишном, варианте, для Джона и Джерри, а о нашем реальном цирке, для Маши и Паши. Из-за бардака многие артисты уехали на Запад. Да, раньше была школа, а сейчас лишь отдельные номера.

Когда человек занимает кресло, то вся энергия его уходит на то, чтобы это кресло удержать в «Росгосцирке», а не облегчить жизнь, допустим, клоуна в Ярославле.

— Раньше в цирке были фамилии, которые всегда и везде обес печивали аншлаг — Карандаш, Вяткин, Никулин, Попов, Енгибаров...

— Увы, в России вакантно место клоуна номер один. Жириновский не в счет — имея 100 квартир, 200 машин и даже собственную партию, невозможно стать народно любимым артистом. Но мы найдем такие имена. И у нас будет русская школа. Какая лично у меня генеральная задача? Быть человеком Отечества, нужным для своей страны.